

КОРОЛЬ СТРАХА

Лесли Фаберу («Звонарь»)

В Бродмурской психиатрической больнице для душевнобольных преступников не принято, можно даже сказать, запрещено обращать внимание тех немногих, кто имеет сомнительное право посещать это заведение, на кого-то из пациентов, каким бы печально знаменитым ни был этот человек и какой бы интерес ни вызывала его дурная слава у публики до того, как врачебная комиссия и милосердные судьи упрятали его в этот лишенный надежды приют. И все же часто служители больницы кивали в сторону Джона Флака, высокого тощего старика в свободной тускло-коричневой робе, который медленно бродил по двору, заложив руки за спину, низко опустив голову, ни с кем не разговаривая, и к которому мало кто обращался.

— Это Флак... Тот самый Флак, самый умный преступник в мире... Сумасшедший Джон Флак... девять убийств...

Остальные содержащиеся в Бродмуре убийцы в странные редкие минуты просветления испытывали немалую гордость от соседства со стариной Джоном. Офицеры, которые закрывали старика на ночь в камере и наблюдали за его сном, на него не жаловались, потому что вел он себя смиренно и за все проведенные здесь шесть лет его ни разу не охватывали приступы буйства, которые так часто оканчиваются больничной койкой для какого-нибудь невинного бедолаги и камерой с обшитой резиной стенами для окончательно обезумевшего виновника неприятного происшествия.

Большую часть времени Джон Флак писал и читал, потому что он был своего рода гением пера, причем писал с удивительной

скоростью. Свой великий труд он посвятил преступности и испытал уже сотни тетрадок. Комендант относился к его увлечению с одобрением, даже разрешал ему хранить у себя тетради, рассчитывая со временем пополнить ими свой и без того интересный музей.

Однажды, в качестве огромной уступки, старина Джон позволил коменданту почитать одну из своих тетрадей, и, увидев название, комендант не мог скрыть изумления. На обложке значилось: «Методика ограбления банка с двумя охранниками». Комендант, бывший военный, прочитал эту своеобразную инструкцию на одном дыхании, время от времени почесывая голову, ибо документ этот, написанный ровным аккуратным почерком Джона Флака, точностью и продуманностью напоминал дивизионный план наступления. Не осталась без внимания ни одна мелочь, была предусмотрена каждая случайность. Здесь даже приводился рецепт снадобья, с помощью которого нужно «нейтрализовать охранника, дежурящего с внешней стороны», с примечанием, которое сто́ит того, чтобы быть процитированным:

Если же снадобье это добыть не удастся, советую исполнителю обратиться к какому-нибудь деревенскому врачу с такими симптомами... Врач пропишет определенное лекарство в небольших дозах. Нужно будет собрать шесть флаконов этого лекарства и получить из них необходимое снадобье следующим способом...

— И много вы уже такого написали, Флак? — удивился офицер.

— Такого? — Джон Флак пожал худыми плечами. — Я этим занимаюсь для развлечения, просто чтобы проверить память. Я написал шестьдесят три книги, и работы эти совершенны. За те шесть лет, что провел здесь, я не придумал ни одного усовершенствования своей старой системы.

Что это, шутка? Полет нездоровой мысли? Комендант, хотя и знал прекрасно, из какого теста слеплены его подопечные и чего от них можно ожидать, терялся в догадках.

— Вы хотите сказать, что написали энциклопедию преступлений? — недоверчиво спросил он. — И где же она хранится?

Тонкие губы старика презрительно искривились, но он не ответил.

В шестидесяти трех рукописных томах содержались знания, накопленные Джоном Флаком в течение всей жизни, и этим достижением он гордился.

В другой раз, когда комендант поинтересовался этим удивительным литературным трудом, Флак сказал:

— Человек, в чьи руки это попадет, сможет заработать огромное состояние... — И, подумав, добавил: — Если, конечно, он умен и книги попадут к нему в скором времени, потому что сейчас, в эпоху научных открытий, то, что удивляет новизной сегодня, завтра встречается на каждом шагу.

Вообще-то комендант не сразу поверил в существование подобных книг, но уже очень скоро после этого разговора ему пришлось изменить мнение. Скотленд-Ярд, организация серьезная, не имеющая привычки гоняться за химерами, прислала в Бродмур некоего старшего инспектора Симпсона, человека, который был напрочь лишен воображения, за что и ценился на службе. Его разговор с полонумным Джоном Флаком был недолгим.

— Насчет твоих книг, Джек... — сказал он. — Будет ужасно, если они попадут не в те руки. Равини говорит, что у тебя где-то сто томов припрятано...

— Равини? — оскалился в улыбке старина Джон Флак. — Послушайте, Симпсон, вы же не собираетесь меня в этом ужасном месте до конца дней держать, верно? Если собираетесь, я вам так скажу: когда-нибудь я выберу ночь потемнее — можете, если хотите, так коменданту и передать! — и дам отсюда деру. И вот тогда мы потолкуем с этим Равини.

Голос его зазвучал пронзительно, даже визгливо, и знакомый Симпсону огонь вспыхнул в глазах старика.

— У вас есть мечта, Симпсон? У меня их целых три! Во-первых, я придумал новый способ разбогатеть на миллион, но это неважно. Вторая моя мечта — Ридер, можете ему это передать. Я мечтаю повстречаться с ним один на один приятной, темной, туманной ночью, когда полицейские не могут определить, с какой стороны слышны крики. А третья моя мечта — это

Равини. У Джорджа Равини есть только один шанс избежать встречи со мной — умереть своей смертью до того, как я отсюда выберусь!

— Ты с ума сошел! — вырвалось у Симпсона.

— Поэтому я здесь и торчу, — рассудительно заметил Джон Флак.

Эта беседа с Симпсоном и предыдущая с комендантом были самыми длинными разговорами Флака за все шесть лет, проведенных им в Бродмуре. Когда знаменитый преступник не писал, чаще всего он молча расхаживал по двору больницы, угрюмо глядя себе под ноги. Иногда он доходил до определенного места рядом с высокой стеной, и говорят, что там он перебрасывал на волю письма, что, впрочем, очень маловероятно. Более вероятно то, что для этих целей он нашел посыльного, который выносил во внешний мир его многочисленные таинственные послания и приносил оттуда короткие односложные ответы. Он очень близко сошелся с начальником караула своего отделения, и однажды рано утром этого человека нашли с перерезанным горлом. Дверь отделения была открыта. Джон Флак вырвался во внешний мир воплощать свои мечты.

ГЛАВА 1

Две вещи не давали покоя Маргарет Белмэн, пока она добиралась южным экспрессом до Селфордской узловой и далее по боковой линии до Силтбери. Во-первых, и это совсем не удивительно, — происходящие с ней стремительные перемены, и то, каким образом они уже сказались на мистере Ридере, спокойном, уравновешенном мужчине средних лет.

Когда она заявила о своем намерении уехать за город и устроиться там на работу, он мог бы и огорчиться, по крайней мере, некоторый оттенок сожаления был бы вполне уместен. Он же, напротив, заметно оживился и как будто даже обрадовался.

— Боюсь, что я не смогу часто бывать в Лондоне, — сказала она.

— Замечательно! — просиял мистер Ридер и добавил еще что-то насчет того, как полезно иногда сменить обстановку и как чу-

десно жить на лоне природы. Вообще-то, в таком прекрасном настроении она не видела его уже несколько недель, и, надо сказать, это было довольно неприятно.

Милое личико Маргарет Белмэн поморщилось при воспоминании о том, какие ее тогда охватили разочарование и досада. Разумеется, после таких слов мысли о том, чтобы отказаться от этого места, испарились. Нет, она, конечно же, не считала, будто место секретарши с годовым окладом в шестьсот фунтов ей обеспечено. Более того, она совершенно не подходила для этой должности, никакого опыта работы в гостиничном деле у нее не было, да и вообще шансы на то, что ее возьмут на эту работу, были весьма призрачными.

Что же касается этого докучливого итальянца, который так настойчиво добивался знакомства с ней, то это всего-навсего один из тех неприятных молодых людей, которые слишком хорошо знакомы любой девушке, вынужденной самой зарабатывать себе на жизнь, и в других обстоятельствах она бы уже давным-давно выбросила его из головы.

Но в то утро он шел за ней до самого вокзала и наверняка услышал, как она сказала провожающей подруге, что собирается вернуться в четверть седьмого. Конечно, достаточно было обратиться к любому полицейскому... Но предать это огласке! Сердце любой разумной девушки дрогнет при мысли о подобном испытании. Так что придется с ним разбираться самой.

Не радужная вырисовывалась перспектива, и двух этих обстоятельств вместе оказалось вполне достаточно, чтобы испортить то, что в противном случае могло бы стать радостным и интересным днем. Ну а что до мистера Ридера...

Маргарет Белмэн хмурилась. Ей было двадцать три, в этом возрасте внимание незрелых юнцов уже не вызывает восторга. С другой стороны, и мужчины, которым около пятидесяти, тоже не кажутся особенно привлекательными. Да еще эти гадкие бакенбарды, из-за них мистер Ридер ужасно похож на шотландского дворецкого. Нет, он, конечно, милый...

Однако решить окончательно, какие чувства она испытывала к мистеру Ридеру, то ли любовь, то ли раздражение, Маргарет